

Справедливости ради, когда он только восстановил облик хэ, то поначалу думал, что отныне свободен, и, преисполненный горделивых амбиций, действительно вознамерился уйти. Однако суровая реальность оказалась сильнее человека: его вновь преследовала стая волков, загнавшая беглеца обратно.

Цзи Чаоань замер, заметив, что в золотистых глазах этого маленького зверя стоят слезы. Тот горько плакал, не переставая, так что даже свисающая грива намокла.

В этот момент Цзи Чаоань одновременно разозлился и развеселился. Он вернул зверя в бамбуковую корзину и отругал: — Стоило обрести каплю сил, как ты тут же потерял голову и побежал бросать вызов волчьему вожаку из гор Чанлю? Глупее не придумаешь! В следующий раз, если снова проявишь безрассудство, я о тебе и не вспомню — пусть любой, кому приглянешься, утащит тебя на зубок. Ты ведь сам нарывешься на смерть.

Детеныш всхлипывал, слезы лились непрерывным потоком, их было не остановить. Он свернулся калачиком, поджав все четыре копытца, уткнулся головой в мягкую хлопчатобумажную ткань и заплакал еще пуще прежнего.

Цзи Чаоань изумился еще сильнее.

Он провел рядом с Гао Хуаем почти сотню лет, бесчисленное множество раз видел, как тот получает ранения и истекает кровью, но никогда не видел его слез.

Даже когда он некогда выхаживал кролика, тот и то ни разу не плакал.

Почему же в этот раз, когда он взял его с собой на гору, тот не только преждевременно обратился в хэ, но даже нрав его переменялся?

Цзи Чаоань потер виски и мысленно вздохнул.

Если говорить о самых больших отличиях, то в прошлой жизни он не смел воспользоваться Пилулей Восстановления Костей и Питания Плоти, подаренной благодетелем, да и из города не выходил. Позже он наскреб денег и купил в городской лавке обычное лекарство от ран, чтобы лечить кролика, на что ушло довольно много времени.

Уж не из-за ли дополнительных ли полезных свойств бессмертной пилули все так обернулось?

Это открытие даже заставило Цзи Чаоаня воодушевиться: если лекарство обладало столь мощным действием, значит, ему удастся побыстрее спровадить этого великого мастера.

Размышляя об этом, Цзи Чаоань смыл с лица волчью кровь. Одежду пришлось сменить, а перепачканную — выстирать заново, не дожидаясь, пока высохнут пятна. От ледяной воды пальцы закололо, и он разозлился еще больше, продолжая ворчливо стирать и развешивать

вещи.

Заметив также, что охранявший пещеру массив потратил слишком много духовной энергии, он шагнул вглубь пещеры, нащупал скрытое ядро формации и сменил истощенные камни на запасные духовные камни.

После этого, опасаясь привлечь других хищников, он тщательно вымыл следы крови у входа. Волчья шкура оказалась насквозь изорвана мечом, так что сдирать ее не имело смысла — Цзи Чаоань с трудом дотащил тушу до обрыва и сбросил вниз.

Когда со всеми делами было покончено, уже совсем рассвело.

Цзи Чаоань устал и проголодался, его лицо помрачнело еще сильнее. Мрачно усевшись в стороне, он принялся за жареную рыбу, и лишь доев ее, заметил, насколько тихо стало в пещере. Он повернул голову к бамбуковой корзине.

Детеныш, неизвестно когда вновь обретший облик серого кролика, робко прижался к краю корзины, опустив оба уха, а его черные глазки слегка покраснели.

Цзи Чаоань с каменным лицом отделил миску рыбного мяса, поставил ее рядом с серым кроликом и произнес: — Я спас тебя из добрых побуждений, а ты думал только о побеге. Ну и ладно, теперь рана на лапе зажила, и я не стану тебя удерживать. Но твое истинное тело — редкостное духовное сокровище. Если волчий вожак сожрет тебя, то сможет безнаказанно расхаживать по горам Чанлю. Раз уж он тебя заметил, то непременно оставит все так просто, и тебе больше нельзя оставаться в горах Чанлю. Я уведу тебя с горы и отыщу надежное место, только избавь меня от лишних хлопот и не создавай мне новых проблем.

Серой кролик весь оцепенел, отказываясь даже притронуться к рыбе.

Он ясно слышал холодный тон маленького паренька, в котором сквозило стопроцентное раздражение — тот действительно жаждал от него избавиться.

Закончив сборами, Цзи Чаоань принял укрепляющую тело пилюлю, взвалил на спину до отказа набитую бамбуковую корзину, спрятал меч меж кусков вяленой рыбы и, подхватив бамбуковую корзину, отправился в обратный путь в столицу.

Опасаясь засад волчьих стай по дороге, Цзи Чаоань прямо в поле обратился в птицу и, по-прежнему вцепившись лапами в корзину, долго летел зигзагами в небесах.

Лишь когда в поле зрения показались белые каменные стены Луоцзина, Цзи Чаоань приземлился, снова приняв человеческий облик, и зашагал дальше.

Шел он и всю дорогу наставлял: — Крепко запомни формулу Циркуляции Ци и движения меча,

что я тебе показывал, и усердно занимайся ими каждый день. Я ни за что не причиню тебе вреда: этот метод культивации хоть и создан людьми, но предназначен специально для нас, духов. Если согласишься следовать ему, тебе от этого будет только польза. Не пытайся хорохориться по пустякам, веди себя осторожно, проявляй выдержку...

Он умолк и вдруг усмехнулся: — Вообще-то мне не стоило все это говорить. Если бы ты не умел терпеть и осторожничать, как бы ты дожил до сегодняшнего дня...

Цзи Чаоань наконец остановился, посмотрел на обочину дороги и тихо рассмеялся: — По мне, так эти места живописны, а деревни богаты — как раз то, что нужно.

Он свернул в придорожную рощу, за которой всего в полулине виднелась деревня. Большинство домов там были сложены из серого кирпича, что говорило о зажиточности местных жителей. Когда кролик сможет принимать человеческий облик, он найдет здесь помощь.

Цзи Чаоань присмотрел раскидистый старый баньян и выкопал яму под его корнями, утрамбовав дно и застелив его сухими листьями. Вокруг он тщательно соорудил укрытие из веток и листвы, защищающее как от дождя, так и от посторонних глаз.

Затем, не обращая внимания на сопротивление серого кролика, он схватил его за уши и опустил в ноту, положив туда же несколько вяленых рыб и пузырьки с белыми, черными, красными и зелеными духовными пилюлями. Нагнувшись к самому входу, он сказал: — На этом наши пути с тобой разошлись, дальше каждый идет своей дорогой. Ты...

Цзи Чаоань и сам не понимал, говорил ли он это для кролика или для себя, но продолжил: — Чего мне переживать? С твоей удачей и способностями ты непременно преодолеешь любые невзгоды, преуспеешь в культивации и постигнешь Великий Путь.

Он отряхнул ладони и одежду от прилипшей грязи и сухих листьев, подхватил бамбуковую корзину и поднялся на ноги, неловко добавив: — Ну... прощай.

С этими словами он поспешно повернулся и бросился прочь из рощи, словно спасаясь бегством.

За последнее время серой кролик под его заботливым присмотром заметно прибавил в весе. Теперь бамбуковая корзина стала куда легче, но, поднимая ее, Цзи Чаоань почему-то ощутил звенящую пустоту в руках и точно такую же пустоту в сердце.

Но прошлые узы все равно пришлось бы оборвать.

Сжав зубы и подавляя непреодолимое желание оглянуться, Цзи Чаоань шаг за шагом вышел из рощи.

Серой кролик выскочил из подземного убежища, пару раз подпрыгнул вслед удаляющейся фигуре Цзи Чаоаня, а затем вскочил на земляной холмик, чтобы получше оглядеться.

Стоит ему только обернуться...

Мысленно повторял серый кролик: стоит ему только оглянуться хоть разок, и я, я тотчас побегу за ним.

Однако маленький парень шел торопливым шагом, не оглядываясь и не проявляя ни малейшего колебания, пока не скрылся из виду окончательно.

Словно приливы и отливы...

Оставшийся путь до столицы давался Цзи Чаоаню все тяжелее.

Сельская грунтовая дорога была изрытой и неровной, так что стоило потерять бдительность, как тут же можно было подвернуть ногу.

Столица находилась уже совсем близко, и прохожих на дороге становилось все больше. Жители Государства Юй тысячелетиями перенимали человеческие обычаи, и их традиционные взгляды были глубоко укоренены. Обратиться в птицу и лететь средь бела дня на глазах у честного народа было равносильно тому, чтобы расхаживать по улице голышом — поступок крайне бесстыдный и развратный.

Цзи Чаоаню оставалось лишь стиснуть зубы и плестись пешком.

Бамбуковая корзина за плечами казалась все тяжелее, будто что-то тянуло его назад.

Цзи Чаоань несколько раз оборачивался, но вокруг не было ни души, и он не знал, то ли ему вздохнуть с облегчением, то ли испытать разочарование.

Незаметно с неба начал накрапывать мелкий морозящий дождь.

Цзи Чаоань протянул руку, ловя капли: холодная вода вперемешку с редкими ледяными крупинками ударила по ладони легким покалыванием.

Интересно, помог ли тот навес от дождя, который он смастерил для серого кролика? А если ливень усилится и вода хлынет в норку...

Перед глазами Цзи Чаоаня внезапно встал образ промокшего до нитки крошечного серого кролика с продрогшей шерсткой, который забился в грязную лужу, где некуда деться, и

отчаянно дрожит.

Он тут же яростно мотнул головой, изгоняя эту картину из сознания, и продолжил шагать вперед, бормоча себе под нос: — Ничего страшного, он уже умеет принимать облик хэ. Если станет холодно, может просто выдохнуть огонь и согреться.

Впереди разнесся детский плач, и Цзи Чаоань на звук повернул голову.

У ворот дома неподалеку от него крупная, дородная крестьянка левой рукой держала за воротник четырех-пятiletнего ребенка, а правой молотила по его спине, заднице и бедрам пуховой метелкой.

Маленький мальчик заливался соплями и слезами, во всю мочь голосил и молил о пощаде, а его ручки и ножки отчаянно метались, пытаясь увернуться от метелки, но безуспешно.

Среди зевак нашлись те, кто глазел на представление, и те, кто пытался уговорить женщину, но та лишь отмахнулась от них пронзительным, визгливым криком.

К счастью, из дома выбежал бледный и болезненный на вид мужчина среднего возраста, отбил мальчика у крестьянки и увел его обратно в помещение.

Одна из крестьянок шепнула соседке: — Жалко пацана, все-таки неродной, забьют до смерти — и то не пожалеют.

Другая вздохнула: — А дядька у него — чахоточный. Сейчас-то он еще может заступиться, а загнется он — что тогда делать?

Сердце Цзи Чаоаня судорожно сжалось.

Если бы Гао Хуай раньше обратился в человека, он был бы примерно в этом же возрасте. Выживать в одиночку невероятно трудно, горько и больно, и Цзи Чаоань знал об этом не понаслышке.

Но даже если кто-то берет сироту на воспитание, разве угадаешь, добрый ли это человек или злодей? Если не повезет и придется ежедневно терпеть издевательства...

Цзи Чаоань сжал кулаки, повернулся и зашагал дальше по меже, сквозь зубы бормоча: — Оборвать прошлые узы, не разрушив — не построишь. Оборвать прошлые узы, не разрушив — не построишь.

Однако шаг его стал только тяжелее.

Мимо него прошел лесоруб с вязанкой хвороста за спиной. Поверх груди сучьев, закрывавшей ему голову, свисали две серые, мохнатые тушки мертвых диких кроликов.

Увидев их, Цзи Чаоань вздрогнул от неожиданности: кровь прилила к голове, в глазах побледнело, а в ушах зазвенело.

Всмотревшись повнимательнее, он сообразил, что это были взрослые особи, раза в пять-шесть крупнее Гао Хуая, а их шкурки слегка сочились кровью.

Лесоруб как раз болтал с крестьянином, подрезавшим ветки шелковицы у дороги. Тот восхищенно цыкал языком: — В эту пору дикие кролики жирные да ладные, за них можно выручить хорошую цену. Эх, повезло же дядьке Ню!

Лесоруб весело рассмеялся: — Я расставил в западном лесу два десятка ловушек и поймал четырех кроликов. Два оказались больно мелкими — за них путного не выручишь, так что я оставил их на домашнее жаркое. Если не брезгуешь, могу одну тушку отнести твоим...

Крестьянин расплылся в счастливой улыбке и принялся горячо благодарить соседа.

Цзи Чаоань резко замер, и в его голове что-то звонко щелкнуло, оборвав последнюю струну.

Он крутанулся на месте и бросился бежать изо всех сил, возвращаясь той же дорогой к лесу.

Завеса дождя становилась все гуще, а ледяной холод пробирал до самых костей.

Цзи Чаоань собрал по крупицам остатки духовной силы и применил Технику Избегания Воды, так что выглядел он не сказать чтобы слишком жалко. Только от быстрого бега все тело пылало жаром, и стужу он не ощущал; в лесу его дыхание тут же превращалось в иней. Добежав до старого баньяна, он присел на корточки и заглянул в нору.

На дне уже стояла вода, а нетронутые пузырьки с лекарствами и вяленая рыба так и лежали на прежних местах, раскисшие в грязной луже.

Серого кролика и след простыл.

Цзи Чаоань подобрал пузырьки с пилюлями, поднялся и огляделся по сторонам.

Дождь застилал все вокруг плотной пеленой, монотонно постукивая по остаткам снега и сухим веткам, отчего лес казался невероятно пустынным и мрачным.

Живых существ не наблюдалось вовсе. Сплетение стволов баньяна, ильма, сосны и камфорного

деревя заслоняло обзор, и на мгновение Цзи Чаоаню показалось, что эти деревья бесконечно тянутся вверх, к хмурому небу, не находя конца. Мир в одно мгновение стал безгранично пустым, уходя из-под ног и ускользая из рук, словно в нем не осталось ни единой твердой опоры.

Он растерянно стоял посреди сумрачного, отдающего синевой леса. В каждом вздохе чувствовалась сырость и могильный холод, а в ушах шумел дождь со снегом, яростно барабанивший по увядшей листве — то плача, то шепча что-то неразборчивое, словно скорбные причитания чиновников.

В этот миг Цзи Чаоаню вдруг показалось, будто он снова вернулся в Зал Цзянянь, где покоилось тело Императора Сылин Гао Хуая.

После битвы на Пути Цанмин тиран был убит заговорщиками, а Армия Сылин потерпела сокрушительное поражение.

Вся армия в траурных одеждах сопровождала гроб на родину. За масками показной скорби на лицах чиновников и вельмож скрывалось такое торжество, скрыть которое не удавалось никому.

Цзи Чаоань стоял посреди оглушительного плача по усопшему точно так же — оцепеневший, не испытывающий ни радости, ни горя, словно чей-то чужой разум вырвали из его тела, превратив его в сухое полено, глиняного идола, пылинку или мимолетный лучик света.

После гибели Гао Хуая он должен был избавиться от оков, вырваться из клетки и лететь куда глаза глядят — это было событием, о котором он мечтал всю жизнь.

Но он вспомнил один Праздник Фонарей. Тогда Гао Хуай обратился в хэ и понес его на своей спине в Гуаньчжоу, в Башню Укрощения Небес, смотреть на фонари.

В городе Гуаньчжоу каждая семья выставила бумажные фонарики, и от их сияния весь город светился ярче дневного света.

Река была усеяна плывущими лотосами-светильниками, а в небо взмывали тысячи небесных фонарей, заливая все вокруг ослепительным золотом.

Гао Хуай прижался к Цзи Чаоаню на самой вершине Башни Укрощения Небес, куда никто не поднимался, и они предавались страсти до беспамятства.

После всего он все так же лениво обнимал его, указывая на мерцающие в небе мириады небесных фонарей, похожих на плывущие к небесным чертогам сверкающие ладьи, и вдруг рассмеялся: — Не смотри на то, что подданные империи расточают мне хвалу и превозносят до небес — если я умру в один прекрасный день, ликованию всей страны не будет предела. Это

торжество наверняка превзойдет сегодняшний праздник фонарей.

— Чаоань, — голос Гао Хуая, ласкавшего его по щеке на вершине Башни Укрощения Небес, звучал хрипло, и Цзи Чаоань помнил это так отчетливо, будто все происходило вчера. — Если я умру, не плачь. Я того не стою.

Огненное зарево небесных фонарей мягко освещало человеческий облик древнего свирепого зверя. Черты лица мужчины были холодными и резкими, а слегка прикрытые веки скрывали ледяной взгляд узких фениксовых глаз. Под обнаженной кожей угадывалась мощная мускулатура, таящая в себе такую непреодолимую силу, перед которой любые попытки Цзи Чаоаня сопротивляться разбивались в прах.

При этом его поза на кушетке из благородного дерева была элегантной и спокойной, распущенные черные волосы переплетались с прядями Цзи Чаоаня.

Этот благородный молодой господин словно сошел со старинного свитка, только вот тушь невольно замарала нефритовое совершенство.

Красив пуще божества, свирепее любого зверя.

За этой утонченной и величественной оболочкой скрывался злобный демон, обуреваемый неутолимой, глубокой злобой и жадой убийства.

Однако сам Цзи Чаоань почему-то совершенно не помнил, что ответил ему тогда.

Он помнил лишь одно: стоило ему произнести хоть слово, как Гао Хуай вновь превращался в зверя и брал свое жестко, без малейших уступок, так что на следующий день Цзи Чаоань, гордый Юйминь, оказался не в силах долететь обратно до Луоцзина, и Гао Хуаю пришлось нести его на руках.

А позже пророчество Гао Хуая сбылось. Верные соратники и генералы, некогда следовавшие за ним по пятам, кто погиб, кто рассеялся, и все они сгинули в небытие. После смерти Гао Хуая при дворе царило всеобщее ликование, и поистине не нашлось ни единого человека, кто пролил бы по нему слезу.

Даже сам Цзи Чаоань не плакал.

Сзади слышался тихий шорох шагов по слежавшемуся снегу. Цзи Чаоань резко обернулся и увидел маленького серого кролика: тот вцепился зубами в соболя, который был больше его собственного тела, и волочил добычу за собой, спотыкаясь на каждом шагу.

Человек и кролик заметили друг друга почти одновременно. Когда Цзи Чаоань повернулся, кролик тоже разжал зубы — серая шерстка вокруг его трехраздельной губы была насквозь

пропитана свежей кровью.

Ледяной, жестокий взгляд кролика, столкнувшись с Цзи Чаоанем, словно коснулся раскаленного железа, и холод тут же растаял в нахлынувшем жару.

Маленький парень плакал.

Его бледное личико по-прежнему оставалось суровее, чем у его собственного отца-князя, тонкие губы крепко сжались, придавая уголкам рта бритвенную резкость. Вопреки своему возрасту, он казался не по годам собранным и холодным — словно высеченное тысячелетиями каменное изваяние, изысканное, но совершенно безжизненное.

Тем не менее его кругловатые глаза сейчас были переполнены слезами, чистая вода медленно катилась по изящному личику, собираясь внизу подбородка и срываясь каплями на воротник одежды.

Мальчик смотрел на него растерянным, печальным и донельзя озлобленным взглядом, словно его обидели сильнее всех на свете.

Серой кролик чувствовал себя ничуть не менее обиженным.

Это ведь ты бросил меня, а теперь бегаешь и ревешь, потому что не смог найти.

Как можно быть настолько нелогичным?

Цзи Чаоань срывающимся голосом крикнул: — Ты...

И лишь заговорив, понял, что его собственный голос дрожит от слёз, и изумленно замер на месте. Он поднес руку к щеке и нащупал на пальцах мокрые следы.

Кролик внезапно запрыгал, в несколько прыжков преодолел разделявшее их расстояние и с размаху угодил прямо в объятия мальчика.

Цзи Чаоаня оттолкнуло назад на три шага, и он поспешно протянул руки, подхватил соскальзывающего зверька.

Шерсть кролика на ощупь оказалась насквозь мокрой и неприятно ледяной, крошечное тельце дрожало мелкой дрожью, а из горла вырывался тонкий писк.

Его голос звучал так молодо и жалобно, словно тончайшие иглы впивались прямо в сердце, вызывая кислую боль, от которой было некуда деться.

Цзи Чаоань бережно прижал к себе серого кролика, словно держал в руках самое тяжелое бремя во всем мире, и тихо вздохнул: — Будем считать, что я... у тебя в долгу.

Кролик ничего не понял: он лишь уткнулся носом в теплое тело паренька, давая выход переполнявшей его обиде и злости.

Горьковатый аромат полыни, согретый теплом тела, превратился в успокаивающее, дурманившее благовоние. Кролик вцепился лапками в ткань одежды и принялся с хриплым сопением зарываться за воротник Цзи Чаоаня, напрочь забыв о том, что сам он промок насквозь, а на лапах осталась грязь и кровь соболя.

Цзи Чаоаню оставалось лишь позволить ему это.

Наконец серого кролика согрело тепло человеческого тела, и его одолела дремота. Он закрыл глаза, и его уши устало опустились вниз.

Ладно, на этот раз я тебя прощаю.

Но если это повторится, я тебя живьем сгрызу.

Цзи Чаоань молча простоял какое-то время: хотя он и корил себя за излишнюю горячность, раскаиваться было уже поздно.

Бамбуковая корзина давно где-то затерялась, поэтому ему оставалось лишь перехватить лямки заплочного короба и, прижимая к груди серого кролика, с раздражением продолжить путь.

Из-за заминки в лесу время было упущено, и когда Цзи Чаоань добрался до городских ворот Луоцзина, уже подходил к концу час юй, а ворота вот-вот должны были запирасть.

Оборона Луоцзина строилась на принципе «строго снаружи, мягко внутри»: покинуть город разрешалось без лишних вопросов, а вот досмотр на въезд устраивали тщательный. Однако Цзи Чаоань был уроженцем Луоцзина, при себе имел удостоверение личности, а выглядел как десятилетний мальчишка, который в прошлые годы не раз ходил за город копать дикорастущие съедобные травы, чтобы утолить голод.

Стражники у ворот обладали отменной памятью, и со временем запомнили его в лицо.

Нынче дежурил седьмой сын семьи Е, который, увидев его, улыбнулся: — Чаоань, куда на этот раз бегал за провизией?

Цзи Чаоань натянул на лицо учтивую, послушную улыбку и отозвался: — Брат Е Седьмой, я ходил на гору Чанлю.

С этими словами он опустил корзину, ожидая досмотра. Е Седьмой бросил взгляд на корзину, доверху набитую побуревшими от сушки полосками рыбы, каждая из которых была аккуратно перевита соломенной бечевкой, ласково потрепал Цзи Чаоаня по голове и произнес: — На улице холодно, ступай домой поскорее.

Когда он коснулся его головы, выпирающий из-под одежды ворота Цзи Чаоаня комок шевельнулся, и оттуда внезапно высунулась крошечная кроличья мордочка, свирепо уставившись на Е Седьмого.

На секунду у Е Седьмого по спине побежали мурашки — такое ощущение, будто на него уставился какой-то свирепый хищник.

Он потер глаза. Заметив, что Цзи Чаоань прижимает руку к груди, чтобы не дать сероуму кролику сбежать, стражник решил, что ему просто померещилось, и со смешком произнес: — И надо же тебе таскать с собой дикого кролика как сокровище. Глядишь, через пару месяцев откормишь, так и зарезать рука не поднимется.

Цзи Чаоань с серьезным видом подтвердил: — Конечно, не поднимется. Откормлю — отнесу на рынок, за него можно выручить хорошую цену.

Е Седьмой ни капли не усомнился в его словах и без проблем пропустил мальчика.

Цзи Чаоань точно знал, что эти стражники жалеют его за раннюю потерю родителей и относятся к нему с участием, поэтому не станут чинить препятствий. Однако у него на душе скребли кошки из-за спрятанного среди рыбы контрабандного зверя, и он попытался в знак благодарности «выказать уважение брату Седьмому» паральков вяленой рыбы, но Е Седьмой наотрез отказался брать.

Делать было нечего, пришлось идти домой.

Зимний день короток, и когда Цзи Чаоань добрался до переулка Хуайшу, вокруг уже стояла непроглядная тьма.

На плотно закрытых дверях Книжная лавка Юнчэн висело белое объявление с черными иероглифами, скрепленное большой красной печатью.

Цзи Чаоань испуганно замер и бросился к входу.

Гао Хуай: Односторонне заявляю, что единственный способ умереть для Чаоаня — быть загрызенным мной ๐’.

Цзи Чаоань: Извращенец ==

Отношения с соседями

Как выяснилось, объявление было вывешено по приказу капитана Чжан: в последние дни в переулке Хуайшу завелось слишком много воров, промышлявших ночными кражами.

Двое из лазутчиков были схвачены с поличным прямо у дома Цзи Чаоаня. И хотя краденого при них не нашли, капитан Чжан отличался особой осторожностью и специально велел Книжная лавка Юнчэн и остальным соседям проверить свои дома на предмет пропаж и доложить о результатах дознавателям.

Цзи Чаоань презрительно усмехнулся, опустив веки, густо усеянные ресницами: — Не прошло и нескольких дней после моего ухода, как они уже не могут дожидаться, даже не боясь спугнуть добычу.

Отворив дверь, он привел в порядок западную флигель-комнату, выделив ее в личное жилище кролика.

Раз уж он твердо решил приютить зверька, пока тот не встанет на ноги, на это уйдет немало времени — от двух-трех до семи-восьми лет, в зависимости от того, когда на этот раз Гао Хуай сможет по-настоящему избавиться от двойной печати.

Устроившись на деревянной кровати в комнате, он соорудил из старых ватных одеял удобное гнездо и наставительно произнес: — Хоть ты пока и кроличий дух, но твое природное семя превосходно, и рано или поздно ты сможешь обрести человеческий облик.

<http://bllate.org/book/21199/2145909>